

Дара Вейн

**«Царь
и
тень»**

Дара Вейн
«Царь и тень»

«Автор»

2026

Вейн Д.

«Царь и тень» / Д. Вейн — «Автор», 2026

В фанфике показана трагедия 1581 года — роковая ссора Ивана Грозного со старшим сыном, царевичем Иваном. На фоне Ливонской войны и всеобщего напряжения между отцом и наследником нарастает конфликт: царь, измученный подозрениями и страхом утраты власти, видит в решительности сына угрозу, а царевич стремится доказать, что достоин вести Русь. Вспышка ярости приводит к непоправимому — удару посохом, после которого царевич спустя одиннадцать дней умирает. История раскрывает личную драму Ивана IV: не только муки от содеянного, но и надлом человека, который, защищая державу, разрушил самое дорогое — свою семью.

© Вейн Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

«Царь и тень»	5
«Тень после света»	7
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Дара Вейн «Царь и тень»

«Царь и тень»

В Александровой слободе было тихо — слишком тихо для места, которое называли столицей опричнины. Ветер гулял по пустым галереям, шевелил тяжёлые занавеси, и казалось, будто сам воздух здесь пропитан страхом и покаянием. Иван Васильевич стоял у узкого окна, глядя, как снег ложится на почерневшие крыши, и думал, что этот белый покров похож на саван — он прячет грязь, но не лечит раны.

Сзади тихо скрипнула дверь. Вошёл протопоп Сильвестр — не в ризах, а в простой рясе, с лицом, изборождённым годами и тревогой. Он не кланялся, не падал ниц: между ним и царём давно не было места для церемоний.

— Ты опять не спишь, государь, — тихо сказал Сильвестр. — А когда не спишь, старые грехи приходят первыми.

Иван горько усмехнулся:

— Старые? Да их столько, что новых уже и не надо. Каждый день прибавляет по камню в эту стену, что я сам себе строю.

Сильвестр подошёл ближе, но не слишком — будто боялся спугнуть этот редкий миг откровенности.

— Стена нужна, чтобы защищать. Но если она со всех сторон, то это уже тюрьма.

Царь резко обернулся, и в его взгляде мелькнуло прежнее пламя — то самое, что заставляло дрожать самых храбрых воевод. Но тут же оно погасло, уступив место усталости.

— А если снаружи враги? Если каждый день — битва? Казань пала, Астрахань покорена, но Ливонская война гложет нас, как ржа железо. И внутри... внутри я слышу шёпот: «Выскачка, не по праву сидишь».

— Ты по праву, — твёрдо сказал Сильвестр. — По праву крови и по праву труда. Ты не родился царём — ты стал им. И это тяжелее, чем получить престол по наследству.

Иван снова отвернулся к окну. В памяти всплыло другое окно — в Московском Кремле, из которого он смотрел, будучи мальчишкой, и видел, как бояре делят власть, словно пирог, не замечая, что мальчик всё видит и всё помнит.

— Я хотел сделать Русь сильной, — прошептал он. — Не для славы, а чтобы она могла выстоять. Чтобы никто больше не смел топтать её, как топтали в моём детстве.

— И ты сделал, — спокойно ответил Сильвестр. — Но сила без милосердия становится калеккой. Она ломает то, что должна защищать.

Царь стиснул пальцы на подоконнике. Слова духовника били точно в больное место.

— Милосердие... — повторил он, будто пробуя слово на вкус. — В моём мире это слабость. А слабость — смерть. Для меня и для государства.

В тот же вечер в трапезной собрались опричники. Среди них выделялся Алексей Басманов — суровый, прямой, без тени подобострастия. Он смотрел на царя не как на идола, а как на военачальника, перед которым нужно держать ответ.

— Государь, — сказал Басманов, когда остальные замолчали, — донесения пришли из Новгорода. Говорят, там зреет измена.

Иван медленно поднял глаза. В них не было ярости — только холодная решимость.

— Измена... — протянул он. — Это слово стало моим самым частым гостем. Скажи, Алексей, если я перестану видеть измену в каждом взгляде, меня сметут. Если буду видеть её везде — смету сам себя. Где середина?

Басманов помолчал, подбирая слова.

— Середина — в правде, государь. Но правда — это не всегда мягко. Иногда она требует жёсткой руки.

Царь горько улыбнулся:

— Вот и я так думаю. И от этой мысли мне страшнее всего.

Ночью Ивану не спалось. Он бродил по тёмным переходам слободы, касаясь пальцами холодных камней, будто пытаясь почувствовать, реальна ли эта крепость или это только иллюзия защиты. В какой-то момент он остановился перед маленькой домовою церковью. Дверь была приоткрыта, и оттуда доносился тихий голос — Сильвестр читал молитвы.

Иван замер на пороге, не решаясь войти. Он столько раз проклинал и столько раз каялся, что уже не знал, слышит ли его Бог или только эхо его собственных слов.

— Входи, — не оборачиваясь, произнёс Сильвестр. — Здесь не судят. Здесь только слушают.

Царь переступил порог и опустился на колени. Впервые за долгие годы он не чувствовал себя всемогущим. Он чувствовал себя просто человеком — усталым, испуганным, одиноким.

— Прости, — прошептал он, и слова эти были не для Бога, а для всех, кого он ранил. — Прости, что я пытался удержать мир железной хваткой. Прости, что не нашёл другого пути.

Сильвестр положил руку ему на плечо — лёгкое, почти невесомое прикосновение, которое вдруг оказалось крепче любой клятвы.

На рассвете пришёл гонец с вестью о новом поражении на Ливонском фронте. Иван выслушал, не меняя выражения лица, но в груди что-то оборвалось. Он понимал: эта война истощает страну, а опричнина, призванная укрепить власть, сеет страх и разоряет земли.

Он вышел на крыльцо, вдохнул морозный воздух и посмотрел на восток, где небо уже розовело.

«Я строил крепость, — подумал он, — а построил клетку. И сам в ней заперт».

Но долг не давал права на слабость. Долг требовал идти дальше.

— Готовьте полки, — приказал он подошедшему дьяку. — И пусть священники служат молебны. Мы ещё не проиграли.

Когда дьяк ушёл, Иван снова посмотрел на рассвет. В нём не было надежды — только упрямое, почти отчаянное желание удержать то, что он создал.

«Тень после света»

Палата царицы пахла ладаном и сухими травами — так пахло в доме, когда кто-то уходил навсегда. Иван стоял посреди комнаты, будто заблудившийся гость, и не знал, куда поставить ноги, чтобы не наступить на её память. На спинке кресла всё ещё висела лёгкая накидка — Анастасия любила кутаться в неё по утрам, когда из щелей тянуло холодом. Он протянул руку, коснулся ткани, и пальцы его дрогнули.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.